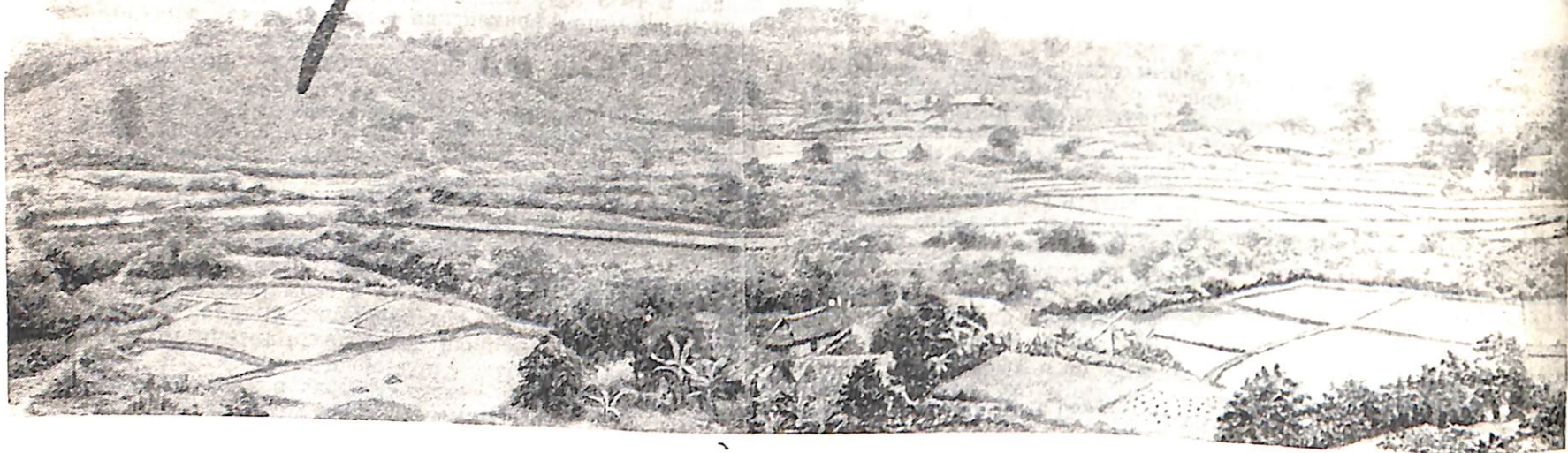

Вьетнамская

Ю. О Р Л О В

*Когда мы сажаем рис, мы быстро его сажаем.
Нашей стала земля! Нашей!
Поэтому мы еще усердней работаем.*

(Вьетнамская народная песня)

Мы уже давно собирались посетить вьетнамскую деревню. Однако всякий раз находились неотложные дела в Ханое.

Как-то, проходя по улице, мы увидели незамысловатую афишу, извещающую о театральном представлении. Этот район не принадлежал к той части города, которую во времена колониального господства называли «европейской», — здесь не было роскошных беложелтых особняков, окруженных стройными пальмами, не было богатых, освещенных неоновыми рекламными магазинами.

Пьеса называлась «Любовь крестьянина». Это заинтересовало нас, и мы решили посмотреть спектакль. Довольно вместительный зал был заполнен народом до отказа. Судя по простой одежде, это были рабочие, ремесленники, мелкие торговцы и крестьяне, приехавшие в Ханой из близлежащих деревень. Над головами зрителей чуть слышно жужжали пропеллеры вентиляторов. Но это, как видно, не спасало их от жары, и они обмахивались веерами.

Пьеса повествовала о феодальном гнете во вьетнамской деревне. Молодой крестьянин влюбляется в девушку, которая служит у помещика. Но хозяин пытается сделать ее своей наложницей. Когда же девушка отвергает его домогания, он начинает требовать немедленного возвращения крупного денежного долга. Больная мать девушки умирает, не перенеся горя. Брат де-

вушки возмущается действиями притеснителя, но его жестоко избивают...

Перед глазами зрителей проходит вереница нищих, лишенных земли крестьян, которые были, по существу, рабами помещика. Мы видели, как глубоко волновало зрителей то, что происходило на сцене. Стоило помещику ударить кого-нибудь из крестьян, как из зала раздавалось: «Да дао! Да дао!» — «Долой! Долой!» Зато как радостно аплодировал весь зал, когда крестьяне, объединившись, изгоняют помещика-притеснителя. Волнение зрителей понятно. Постановка воскресила перед ними картины недавнего прошлого. Это волнение передалось и нам. В тот вечер мы решили выехать в деревню, чтобы поближе познакомиться с жизнью свободных крестьян.

Мы отправились в деревню Киен-Тхиет ранним утром. Нам предстояло преодолеть более ста километров, и хотелось добраться в провинцию Фу-То до того, как наступит полуденный зной.

...Дорога то вьется среди гор, то выбегает на равнину. Вокруг заросли бамбука, пальмы, неизвестные нам стройные деревья, поднявшие к голубому небу небольшие пучки листьев. Среди банановых рощ приютились хижины крестьян. Видны большие «многоярусные» гроздья бананов. Нам сказали, что в некоторых из них насчитывается до 70 плодов. Банановые растения плодоносят во Вьетнаме круглый год. Бананы называют здесь «картофелем Азии».

Равнины покрыты изумрудными пучками рисовой рассады. Кое-где в полях, высоко поднимая ноги, важно вышагивают белые аисты.

Деревня

Во времена французского господства дорога, по которой мы едем, называлась «колонизальная дорога № 2»; теперь слово «колонизальная» заменено на «государственная». Но не только старое название дороги напоминает о днях колониального владычества. Недалеко от Ханоя, в провинции Винь-Фук, нам встретилось французское кладбище. На центральной могиле с высоким памятником из черного мрамора дата: 1880. Это период завоевания Вьетнама французскими колонизаторами. А чуть поодаль выстроились, будто солдаты в строю, побеленные надгробья с цифрами 1954. Более поздних дат нет. Колониальные войска были изгнаны из этого района. Свыше трех лет прошло после окончания войны. Но до сих пор по откосам дороги валяются спутанные мотки ржавой колючей проволоки и стоят полуразрушенные доты с черными провалами бойниц, которые, словно глазницы черепа, пусто и бессмысленно смотрят на рисовые поля. Особенно странно видеть среди простых, невысоких жилищ вьетнамских крестьян взметнувшуюся на несколько десятков метров вверх готику железобетонных католических соборов. Доты и соборы! С помощью силы и религии пытались колонизаторы удержать в повиновении страну. У деревни Фу-Кыонг мы видели похожую на памятник плиту. На серой поверхности камня выбиты слова: «Здесь французские колонизаторы и помещики казнили 135 жителей, сожгли 322 дома...» Таких памятников много вдоль дорог Вьетнама. «Камни ненависти» — называют их вьетnamцы. Они словно окаменевшие слезы народа.

Изредка машину начинает встряхивать. Оглядываясь, мы видим выбитые в асфальте квадраты, расположенные в шахматном порядке. Это, как сказал нам шофер-вьетнамец, дело рук партизан, которые устраивали на дорогах засады.

Дорога становится все более оживленной. По ее краю почти нескончаемой вереницей идут крестьяне в

коричневых выцветших рубашках и широких черных штанах с неизменными бамбуковыми коромыслами на плече.

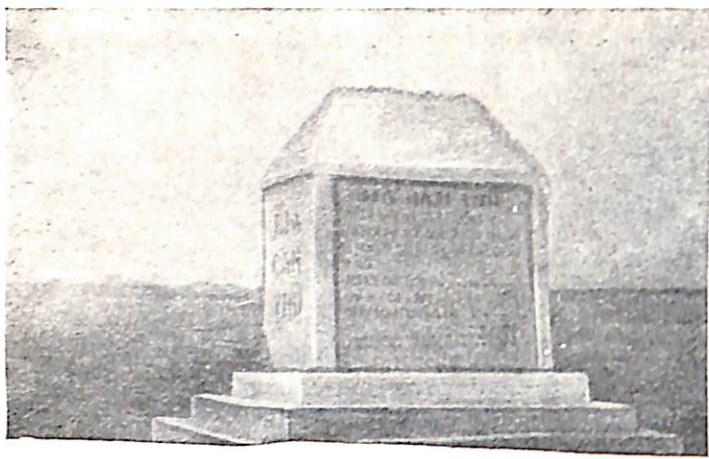
Во Вьетнаме говорят, что «бамбук — это руки и ноги крестьян». И в самом деле, из бамбука вьетnamцы строят дома, делают сельскохозяйственные орудия, без бамбуковых коромысел крестьяне почти не выходят из дому. Для них это такая же неотъемлемая принадлежность, как сумка для наших домашних хозяек. На коромыслах носят корзины с овощами и землей, снопы риса и клетки с курами...

Нас то и дело обгоняют, обдавая пылью, грузовые автомашины. На многих из них стоят марки советских заводов. В кузовах — арматура, мешки с цементом длястроек, которых сейчас немало во Вьетнаме.

У селения Там-Дао мы услышали непривычный для вьетнамской деревни звук. Оказалось, что это работают тракторы, присланные из СССР и Чехословакии для недавно созданного госхоза — одного из шестнадцати существующих сейчас в ДРВ.

Но вот мы и в деревне Киен-Тхьет. Она расположилась среди холмов провинции Фу-То, покрытых буйной тропической растительностью. Природа не поскупилась наделить своими щедротами эти места. Банановые рощи перемежаются с плантациями апельсиновых и мандариновых деревьев. Склоны холмов покрыты чайными кустами, а у их подножья зреют вкуснейшие плоды тропиков — ананасы. «Кто хоть раз приехал в Фу-То, навсегда забудет дорогу назад», — поется в старинной вьетнамской песне.

Хижин деревни расположились длинной вереницей по обеим сторонам дороги. Сразу же бросаются в глаза надписи: «Административный комитет», «Школа». Неподалеку от въезда в деревню — небольшая лавочка. На прилавке — бананы, огурцы, мясо, вареный рис, бататы. По соседству — мастерская портного, который

«Камень ненависти» у деревни Фу-Кьонг. Надпись на нем — это документальный список злодеяний, совершенных французскими колонизаторами в этой деревне.

шьет немудреную крестьянскую одежду. Но, видимо, в целях рекламы он когда-то давно прибил вывеску «Европейский портной». Так и осталась эта вывеска до сегодняшнего дня. На улице много ребятишек. Смуглые, с веселыми черными глазами, они повсюду сопровождают нас криками: «Бак лин со ой!» — «Советский дядя!»

На следующее утро мы отправились к председателю административного комитета Чан Ке Хиепу. Он рассказал нам, что выборы в административный комитет деревни проходили два года назад. До этого в комитете было засилье богатеев и помещиков. В один из мартовских дней 1955 года на площади собрались все взрослые жители деревни. На домах были наклеены плакаты: «Выберем самых достойных из своих товарищей!» Каждый подходил к урне и опускал в нее бюллетень. Избранными оказались семь человек: шесть бедных крестьян и один середняк.

— Работы у нас много, и иногда приходится нелегко, — говорит Хиеп. — Надо заниматься самыми различными вопросами, а опыта не хватает. По понедельникам, например, мы регистрируем акты гражданского состояния, по вторникам занимаемся разрешением земельных дел, по средам разбираем конфликты и споры между крестьянами...

Мы расспрашиваем Чан Ке Хиепу о его жизни. Ему немногим больше тридцати, но на вид он кажется значительно старше. Жизнь, полная лишений и страданий, избородила его лицо преждевременными морщинами.

С девяти лет пришлось Хиепу самому зарабатывать на жизнь. С утра до вечера по раскаленным улицам города Тай-Биня ходил с подносом маленький мальчик в закатанных до колен штанах, в заплатанной рубашке и широкой конусообразной соломенной шляпе.

«Купите зерна какао, купите...» — звучал его охрипший голос. Он обращался к людям, которые с важным видом восседали в колясках велорикш. Эти люди были

одеты во все белое, даже пробковый шлем и туфли были у них белые. И только очки — черные. Хиеп оставался у красивых особняков. Здесь жили европейцы. Он не знал, кто они, но слышал, что это очень богатые люди, которые владеют какими-то фабриками. «Купите зерна какао, купите...» Но выручка, которую он приносил хозяину, была очень невелика. Хозяин даже частенько бил его за это. Тогда Хиеп решил найти другую работу. Он нанялся маляром. Скучного заработка не хватало на жизнь. В это время его встретил «господин Лы» — так его все называли. «Приезжай ко мне в деревню, и ты будешь хорошо жить», — говорил он Хиепу. Бедный Хиеп поверил. Но в деревне его ждала тяжелая доля батрака. Спать приходилось на пальмовых листьях, а накрываться джутовым мешком. Он очищал рис, пас свиней; когда наступала пора уборки чайного листа, работал с 6 часов утра до 2 часов ночи. А питался лишь тем, что оставалось от обеда помещика. Хиеп попытался убежать. Но помещик его поймал, связал за спиной руки и бил, бил жестоко и долго. Опять потянулась вереница тусклых дней, наполненных тяжелой, изнурительной работой.

Однажды в его жизни мелькнул луч радости. Как-то он встретил дочь одного из крестьян. Хиеп удивился, как это до сих пор он не замечал этих больших темных карих глаз, которые смотрели на него приветливо и ласково. Звали ее Те, что значит «шелковая нитка». Во Вьетнаме говорят, что свадьба — это счастье. Но что может подарить судьба батраку? Жить приходилось в амбаре, а спать на циновке, которую занял у товарища.

Настоящее счастье пришло потом. Однажды в деревне появился человек. Он рассказал, что народное правительство приняло решение о проведении аграрной реформы и о распределении земли между крестьянами. Не сразу поверили ему. Многие еще слишком боялись помещика. Но когда на собрании один из крестьян, преодолев робость, начал рассказывать о притеснениях помещика, заговорили все. Выступал и он, Хиеп.

...Мы сидим на веранде второго этажа добротного деревянного дома. Он резко выделяется среди небольших бамбуковых хижин. На веранду с раскидистого дерева свешиваются усыпанные красными цветами ветки. Об этих деревьях во Вьетнаме говорят: «Когда с них падает первый лист, все знают, что наступила осень; когда деревья начинают покрываться красными цветами — это значит, что наступила хорошая погода». Хиеп не спеша набивает бамбуковую трубку, разжигает ее, а потом, полузакрыв глаза, глубоко втягивает в себя дым. Слышно, как булькает налитая в трубку вода.

— Этот дом, — говорит он, помолчав, — раньше принадлежал тому самому помещику, у которого я работал. Теперь, после аграрной реформы, в этом доме живут три семьи беднейших крестьян. Живу в нем и я. Была распределена и земля помещика — 33 гектара. Как была довольна моя жена, когда мы получили землю! Три мау рисовых полей — это почти гектар. Кро-

ме того, нам дали сельскохозяйственный инвентарь и «две ноги буйвола».

— Ах, вы не знаете, что это такое! — засмеялся он, заметив мое недоумение. — Просто нам на две семьи дали одного буйвола. Когда мы собрали и принесли домой первый в жизни урожай риса с собственного участка, жена заплакала. Плачут ведь не только от горя! Теперь нам хватает риса на девять-десять месяцев, тогда как раньше его хватало едва на полгода. Кроме того, мы собираем с огорода овощи, и у нас есть небольшой участок чайной плантации, который тоже приносит нам доход.

Жизнь Хиэпа — это жизнь многих крестьян деревни Киен-Тхиет. В деревне 830 жителей. Но раньше большая часть земли принадлежала 15 помещикам. После аграрной реформы 600 крестьян получили землю и сельскохозяйственный инвентарь.

Новая жизнь принесла и новые отношения. В деревне Киен-Тхиет мы видели плакаты, призывающие к развитию взаимопомощи. Это не только слова. Мы наблюдали такую сцену: крестьяне по цепочке передают друг другу ведра с водой, чтобы оросить рисовые поля. Нам сказали, что это бригада взаимопомощи. Как-то вечером мы присутствовали на собрании такой бригады. Уже стемнело, когда в хижину начали собираться крестьяне. Они приходили с факелами в руках, освещая ими дорогу. На столе горела небольшая керосиновая лампа. Разговор шел о программе работ на следующий день. Бригадир Куат Ван Дао назвал имена нескольких крестьян, которые особенно нуждались в помощи. «Что будем делать?» — спросил Дао. «Помогать!» — единодушно раздалось в ответ. «С кого начнем?» Разгорелся жаркий спор. Тщательно взвешивались все доводы. Решено было начать с тех, у кого «одна нога буйвола».

После собрания мы разговорились с Куат Ван Дао. Он бывший батрак. После реформы получил участок земли и «две ноги буйвола».

— Конечно, не обходится без споров, — сказал он, когда разговор коснулся только что закончившегося собрания. — Каждому хочется, чтобы начали с его участка. Но в конце концов мы всегда приходим к наиболее правильному решению, и все остаются довольны. Создав бригаду взаимопомощи, мы стараемся соблюдать три принципа. Первый принцип заключается в том, чтобы правильно учесть, сколько времени работал каждый крестьянин; второй принцип, — как он работал, и третий — обсуждать программу работ сообща. Мы часто собираемся вместе, чтобы записать, кто сколько работал, и в зависимости от этого определить, на какую помощь товарищей он может рассчитывать.

Так по очереди все крестьяне, входящие в бригаду, помогают друг другу. Во время засухи, например, мы направляли все усилия на те участки, где не было воды. Большую помощь оказывает нам государство. Оно снабжает нас удобрениями. Мы получаем инструкции с новыми, передовыми методами обработки полей.

Типичная сценка для вьетнамской деревни. Юные пастухи забрались на своих подопечных буйволов.

Сейчас в деревне работает около 30 бригад взаимопомощи. И результаты уже дают о себе знать.

За годы народной власти начал меняться и культурный облик деревни. Раньше могли учиться только дети помещиков. Ведь за обучение надо было платить рисом, а крестьянам-беднякам это было не под силу. Сейчас в деревенской школе занимается более 100 крестьянских детей.

...Днем, когда солнце висит прямо над головой и на поле работать из-за жары становится трудно, в небольшой хижине на окраине деревни собираются крестьяне. Широкие листья бананов укрывают домик от палящих лучей солнца. Пять раз в неделю приходят сюда крестьяне на курсы по ликвидации неграмотности. Занимается более 300 человек. Самому старшему ученику — 70 лет, самому младшему — 19. Регулярно ходит на занятия Лен. Ей 57 лет. «Чтобы лучше служить народу, надо учиться», — говорит она. Дедушке Тону — так называют его в деревне — 65 лет. В годы войны Тон партизанил, и его грудь украшают правительственные награды. Несмотря на преклонный возраст, он помогал строить домик, где проходят занятия. Дедушка Тон — один из лучших учеников. Он не только не пропускает ни одного занятия, но и помогает отстающим. Сейчас он уже может читать газеты.

— Трудно, наверное, приходится? — спрашиваем мы его.

Тон усмехается, и его редкая седая бородка вздрагивает.

— Трудно? Ноги тверже камня — они его протирают. Если постараться, все можно сделать.

Дедушка Тон, как и все вьетнамцы, умеет выражать свои мысли ярким, образным языком. Это стремление к образности нашло свое выражение в большой любви к стихам, которые во Вьетнаме пишут почти все, к песням, которые распевают повсюду, к легендам. Одну из популярных вьетнамских легенд мы услышали от дедушки Тона.

...В хижине, куда он пригласил нас, были только стол, несколько стульев да бамбуковые нары, покрытые циновкой. Через распахнутую дверь виднелись рисовые

После трудового дня. Крестьянин возвращается домой.

поля и разбросанные по склонам холмов дома крестьян. Чем дальше уходили холмы к горизонту, тем бледнее становились их очертания, скрадываемые расстоянием и дымкой.

— Посмотрите туда, — начал свой рассказ Тон, показывая на далекий холм, увенчанный тонкими высокими стволами арековых пальм. Они четко выделялись на фоне бледно-голубого, будто выцветшего, неба. — Видите, как покачиваются их вершины? Эти пальмы похожи на глубоко задумавшегося человека. Верно? Я промолчал, раздумывая над удачным образом. — Да, на задумавшегося человека, — снова повторил дедушка Тон. — Так об этом рассказывает легенда.

...Давно-давно жили два брата. Они очень любили друг друга. Но когда старший брат женился, он, предавшись любви, забыл о своем младшем брате. Тот грустил, и в один прекрасный день решил покинуть родные места. К вечеру он дошел до широкой реки и сел на ее берегу. Долго сидел он так, пока не превратился в большой камень. Заметив отсутствие младшего брата, старший отправился на его поиски. Дорога тоже приве-

ла его к реке. Он остановился у камня и превратился в стройную пальму — ареку. Напрасно ждала возвращения братьев молодая жена. В глубоком горе ушла она из дому в надежде найти след своих родных. Дойдя до реки, она увидела пальму. Едва она прислонилась к ней, как превратилась в лиану с широкими листьями, которая обвила и пальму и камень.

...Вот почему покачиваются вершины пальмы, — заключил Тон. — Они рассказывают о верности в дружбе и любви. Любящих не может разлучить даже смерть.

При народной власти еще более широко и свободно раскрылись таланты вьетнамского народа. В деревне Киен-Тхиет мы видели, как группа молодежи разучивала новые песни в кружке самодеятельности. Это песни о луне и золотых зернах нового урожая, о белых аистах, которых так много на рисовых полях, песни о мире и дружбе.

Однажды к нам пришел вьетнамский мальчик До. Он сказал, что его отец в честь нашего приезда сложил песню. До спел ее нам. В песне говорилось о том, как признательны вьетнамцы Советскому Союзу за помощь, о дружбе, которая велика, как море, и бездонна, как небо.

Деревня Киен-Тхиет — одна из тысяч деревень Северного Вьетнама, освобожденных народной властью. Вьетнамские крестьяне встречают на своем пути еще немало трудностей — тяжких следов многолетнего хозяйничанья феодалов и колонизаторов. Но во Вьетнаме говорят: «Когда перестает расти старый бамбук, это значит, что начинают расти молодые побеги».

Возвращаясь в Ханой, неподалеку от деревни Киен-Тхиет мы увидели у самой обочины остов бронемашин, подорванной партизанами в годы войны. Корпус ее наполовину зарос травой, и на его бурой от ржавчины стенке можно было прочесть написанные белой краской слова: «Да здравствует свободный Вьетнам!» Эта картина символизирует сегодняшний Вьетнам, который на обломках прежнего колониального строя создает новую, счастливую жизнь.